

Когда я уже подготовил картины для выставки, подобрал тексты, которые сегодня прочитаю, и фильмы, которые покажу, я обнаружил, что всё это имеет некую географическую перспективу.

Вот в верхнем ряду идут репродукции цикла рисунков, сделанных во Франции в августе этого года. Они нарисованы тушевыми ручками двух цветов: чёрный и сангина. Это и дало название выставке. Ниже идёт китайский цикл "Чжоу ли". Там есть ещё Израиль, Армения, Мадейра и, конечно, картины, нарисованные в нашей деревне Липовка – это 400 километров от Москвы, на краю Рязанской области, около реки Мокша. А этим летом мы купили дачу в Талдомском районе Подмосковья, и появились дачные картины и тексты. Они немножко другие.

Конечно, это не просто разные страны и места, это разные культуры, разные цивилизации, разные мироощущения.

Вот сейчас я прочитаю цикл миниатюр, который родился из шести больших акварелей на "суфийскую" тему, написанных весной **2002** года. Вот эти 6 картин висят на стене наверху.

А сами картины родились после прочтения нескольких книг, в том числе:

- Притчи из книги "Зеркало совершенства. Истории странствующих суфиев";
- Философия Великого шейха Мохиддина Ибн Араби (1165-1240) и его "Геммы мудрости" в книге А.В.Смирнова "Великий шейх суфизма";
- И, конечно, Коран (в переводе Крачковского).

Цикл называется:

инсан аль-`айн фи-ль бахр аль-`има'
человека глаза в облачном море

1. Смысл жизни

Человек, который искал смысл жизни, нашёл его на берегу реки под старой корягой.

Смысл был покрыт грязью, от него плохо пахло, и он еле дышал.

Человек вымыл его, почистил, умастил благовониями, вставил в красивую рамку и повесил на стену.

Смысл умер.

Тогда человек понял свою ошибку, вернулся на берег реки, залез под корягу, свернулся калачиком и стал ждать.

На этом можно было бы поставить точку, поскольку круг замкнулся.

Но дело в том, что в это время по реке проплывала лодка.

И хотя в лодке никого не было, и она спокойно проплыла мимо коряги и скрылась за поворотом, это как-то нарушило течение времени.

Птица, что летела в поисках пищи, вдруг свернула в сторону, хотя в той стороне не было корма.

Зверь, что шёл на водопой, внезапно свернул с тропинки и пошёл туда, где нет воды.

А человек на другом конце земли проснулся среди ночи и увидел звезду в окне.

Таким образом, то, что казалось завершённым, стало открытым, а вместо одного вопроса появилось множество новых.

И все они не имели ответа.

Один человек, которому я рассказал эту историю, стал утверждать, будто он хорошо знает эту реку, неоднократно лично заглядывал под корягу, но ничего и никого там не нашёл.

Не от того ли это, что слишком много воды утекло?

2. Человек без какого-либо определения

Человек без какого-либо определения шёл по дороге и нашёл золотую монету.

Когда он продолжил свой путь, монеты на дороге уже не было видно.

Однако нельзя сказать, что человек поднял монету, потому что тогда его можно было бы определить как человека с золотой монетой в кармане.

Видимо, монета осталась лежать на дороге, припорошенная пылью.

С другой стороны, нельзя сказать, что человек оставил монету, потому что тогда его можно было бы определить как человека, нашедшего, но не взявшего золотую монету.

Через какое-то время человек без какого-либо определения зашёл в придорожную гостиницу и взял стакан вина.

Нельзя сказать, что он купил вино на свою золотую монету, которой у него, быть может, и не было.

В то же время, нельзя сказать, что он украл вино, потому что его нельзя определять как вора.

Скорее всего, хозяйка гостиницы просто решила угостить путника.

День склонялся к вечеру и человек без какого-либо определения, допив вино, остался переночевать.

Хотя это вряд ли, поскольку тогда он попался бы в определение постояльца гостиницы.

Но нельзя утверждать, что он двинулся дальше, во-первых, потому что это тоже определение, а во-вторых, потому что не так уж приятно оказаться ночью одному на дороге.

Наутро хозяйка гостиницы, весь вечер проведшая в компании с человеком без какого-либо определения, неожиданно для самой себя поняла, что влюблена в него.

Нельзя сказать, что она пошла вместе с ним по дороге, потому что тогда он пошёл бы вместе с ней, но также неверно, что он ушёл, а она осталась, потому что мы не можем определить его одиноким путником.

Наиболее вероятно, что она пошла сама по себе, но рядом с путником.

Но и этого определения мы должны избегать, и поэтому может быть, человек никуда не уходил, а так и остался в гостях у хозяйки гостиницы.

Как бы там ни было, через какое-то время они поженились.

Во всяком случае, хозяйка гостиницы вышла замуж, потому что человек без какого-либо определения не мог быть ни женатым, ни холостым.

Прошло время, и у них появились дети: мальчик и две девочки. Хотя вряд ли человека можно было назвать их отцом, но и чужим он им тоже не был.

Не погрешив против истины, мы не можем утверждать, что он не был любящим отцом или плохим мужем.

Но мы не можем говорить и обратное, поэтому лучше промолчим.

Прошло ещё время, и человек умер, а хозяйка гостиницы, чтобы не давать определения, никому об этом не сказала.

Так что, может быть, она умерла первой.

А он остался жить, хотя живущим его назвать нельзя, также как и умершим.

Вот почему человек, который рассказывал мне эту историю, считал, что такого человека никогда не было, и быть не могло.

Но я в этом сомневаюсь, потому что тогда человека без какого-либо определения можно было бы определить как несуществующего человека.

Мне всё же кажется, что эта история не полная выдумка и что-то такое в ней есть, хотя, что именно, я не могу определить.

3. Шесть солнц в небе и белые ручьи в песках

Человеку приснился сон.

В глубине пустыни в небе сияло шесть солнц и белые ручьи текли по жёлтым пескам.

Когда он проснулся, он стал всех спрашивать: что означает этот сон?

Но никто не знал.

Человек шёл из города в город, из селения в селение, из дома в дом и всех спрашивал: что означают шесть солнц в небе и белые ручьи в песках?

Но никто не знал.

Он стал думать, что, может быть, сон этот ничего не означает и нужно просто забыть о нём.

Но стоило ему закрыть глаза, как он ясно видел сияние в небе шести солнц, и слышал журчание белых ручьёв в жёлтых песках.

И вот, когда человек уже совсем отчаялся, он повстречал мудреца, который сказал: почему ты всех спрашиваешь?

Ведь это ты видел, а не они.

Не лучше ли тебе отправиться в пустыню и найти это место, где в небе сияют шесть солнц, а в жёлтых песках текут белые ручьи.

Увидев воочию, ты поймёшь.

Человек внял совету мудреца, собрался в дорогу и вошёл в пустыню.

Долго он шёл, изредка встречая жилище кочевника или караван торговца, но везде в небе было только одно солнце, и лишь ветер тёк в жёлтых песках, предвещая песчаные бури.

Далеко вглубь пустыни зашёл человек, уже не встречались жилища людей и караваны обходили стороной эти места.

У него кончилась вода, и не было колодцев, а те, что попадались, давно высохли.

Солнце слепило глаза, песок жёг ступни ног.

Человек выбился из сил, он больше не мог идти, он упал и забылся сном.

Никто не знает, сколько проспал тот человек.

Может быть, остаток дня и одну ночь, может быть, много дней, может быть, несколько минут, может быть, это был не сон и лишь на мгновение человек потерял сознание, может быть, это был не сон и прошли века.

Никто не знает.

Когда человек очнулся, он увидел: в небе сияют шесть солнц, а по жёлтым пескам текут белые ручьи.

Мудрец был прав! – подумал человек, и в этот миг истина открылась ему во всей своей ясности, глубине и силе.

Но сознание человека не было подготовлено и поэтому, восприняв истину, оно закрылось подобно тому, как закрывается цветок, воспринявший сияние дня, в преддверии ночи.

На следующий день племя кочевников проходило в этих местах, они увидели умирающего от жажды человека, дали ему напиться и взяли с собой.

В небе было только одно солнце, и лишь ветер тёк по жёлтым пескам, потому что дело не только в месте, но ещё и во времени, а время прошло.

Человек не потерял память, он помнил шесть солнц в небе и белые ручьи в жёлтых песках.

Но чем дальше, тем всё чаще ему казалось, что, может быть, ничего этого и не было, а вспоминает он лишь тот давний сон.

И вот, когда уже много песка утекло под ветром, человек снова разыскал того мудреца, вошёл в его дом и спросил:

– Я видел шесть солнц в небе и белые ручьи в жёлтых песках, но я до сих пор не знаю, было ли это на самом деле, или только сон?

Мудрец промолчал.

Человек повторил вопрос, и мудрец опять промолчал.

Но человек не отступал, повторяя свой вопрос со всей настойчивостью.

Скажи же хоть что-нибудь! – воскликнул он.

И мудрец сказал:

– Это было на самом деле или только сон.

И прогнал человека из своего дома.

Эту историю рассказывал мне потомок того человека.

По его блуждающему взгляду я понял, что он тоже видел сон про шесть солнц в небе и белые ручьи в жёлтых песках.

Но в пустыню не ходил, понимая, что это не даст успокоения.

А для чего он рассказал мне эту историю – вот в чём вопрос!

6. *инсан аль-`айн фи-ль бахр аль-`има'* человека глаза в море слепоты

Человек очарованный, у которого на шее прикреплена птица, который держит в руках пучки снов.

Его называют *инсан аль-`айн*, что означает *человек глаза*.

Ты спросишь: – *Чей тот глаз?*

Его называют *инсан аль-`айн*, что означает *зрачок*.

Ты спросишь: – *Что же он видит?*

Его называют *инсан аль-`айн*, что означает *соглядатай*.
Ты спросишь: – *За кем он следит?*

Это твой глаз. Он видит тебя. Он следит за тобой.

Он живет в *бахр аль-`има*, что значит *облачное море*.
Он живет в *бахр аль-`има*, что значит *море слепоты*.

Он – твоё зеркало, в котором видишь ты себя, а ты – зеркало, в котором видит он имена свои.

Когда видишь образы в зеркале – не видишь зеркала.

Будто ослепший, не видишь зеркала.

Будто прозревший, видишь море образов.

Время для него подобно зеркалу, разбитому на тысячу мелких осколков.

Ты думаешь, что двигаешься во времени, что-то делаешь, как-то живешь, меняешь и меняешься.

Но его зрачок фиксирует только мгновенные образы в зеркальных осколках.

Вот в этом осколке ты – ребёнок.

Вот в этом – старик.

Ты видишь ребёнка, ты видишь старика.

Всего лишь образ, несомый светом – угол падения равен углу отражения – из осколка в осколок.

Ты не видишь зеркала.

Пространство для него подобно зеркалу, разбитому на тысячу мелких осколков.

Ты думаешь, что двигаешься в пространстве, что-то делаешь, как-то живешь, перемещаешь и перемещаешься.

Но его зрачок фиксирует только мгновенные образы в зеркальных осколках.

Почему бы трону Билкис, царицы Савской, не переместиться в мгновение ока из страны в страну по слову царя Соломона?

Всего лишь образ, несомый светом – угол падения равен углу отражения – из осколка в осколок.

Ты не видишь зеркала.

С древа души своей снимает человек очарованный плод знания своего.

Его сердце вместительно: добавь весь мир – он этого не заметит; отними весь мир – он не почувствует пустоты.

Тальб аль-такалюб – что значит *сердце перемен*.

Еще называют его *хира*, что значит *растерянный*.

Он растерян, потому что потерялся в бурлящем водовороте зеркальных образов.

Он летит по вращающимся кругам, сужающимся кругам, водоворот затягивает, его воронка с шумом всасывает воду.

Его называют *хира*, что значит *водоворот*.

Человек глаза находится на перешейке, по которому движутся свет и тень, отражаясь друг в друге.

У него на шее прикреплена птица, у него в руках пучки снов.

Он видит и свидетельствует.

Последний раз я встретил его в парке рядом с пивным ларьком.

Он сидел на скамейке, потягивал пиво из кружки и шурился на солнце.

Если бы не необычная белизна ладоней его рук и след на шее, я бы нипочём не узнал его и прошёл мимо.

Впрочем, я и так прошёл мимо.

ПЕСНЯ СБОРА БЕЛЫХ ГРИБОВ В ДЕРЕВНЕ ЛИПОВКА В АВГУСТЕ МЕСЯЦЕ НОНЕШНИМ ЛЕТОМ

1995-ый год

В нашем большом лесу много белых грибов.

И вдоль Бауковой канавы, и вдоль Петуховой канавы, и в других местах.

Вот идёт мадам Петухова вдоль своей канавы и собирает белые грибы.

Она как увидит гриб, ножиком его срезает и в корзинку кладёт.

Дальше идёт, опять *видит гриб, ножиком его срезает и в корзинку кладёт.*

Вот так ходит мадам Петухова и собирает белые грибы.

И Баук тоже ходит, и тоже собирает белые грибы.

Он как увидит гриб, ножиком его срезает и в корзинку кладёт.

Только мадам Петухова ходит вдоль своей, Петуховой, канавы, а Баук ходит вдоль своей, Бауковой, канавы.

Баукова канава называется Бауковой, потому что летошным годом мы там Баука один раз встретили.

А Петухова канава называется Петуховой, потому что нонешним летом мы там два раза мадам Петухову встречали.

Мы как мадам Петухову встретим в лесу, так друг другу "Доброе утро" говорим, или "Добрый вечер".

А потом мадам Петухова дальше идёт вдоль своей канавы и собирает белые грибы.

Вот увидит гриб, присядет и ножиком его срезает и в корзинку кладёт.

И дальше идёт.

А как Баука встретим в лесу, так он нам громко кричит "Здорово!" и мы отвечаем.

А потом Баук дальше идёт и собирает белые грибы.

Увидит гриб, наклонится и ножиком его срезает и в корзинку кладёт.

Мадам Петухова собирает белые грибы, и Баук тоже собирает.

А грибы всё растут и растут.

К тому же мадам Петухова не все белые грибы собирает, а только те, которые видит.

Она как увидит гриб, так ножиком его срезает и в корзинку кладёт.

Бывало идёшь вдоль Петуховой канавы и видишь будто не мадам Петухова там прошла, а какое-то странное существо.

Такие это существо белые следы оставило.

Не как у зайца следы – два кружочка спереди, ещё один кружочек, потом ещё один.

И не как у лисы, не как у волка.

Не так, как кабаны топчутся.

И не как лось проходит.

А такие следы, будто существо это танцевало какой-то странный танец, да ещё и напевало песенку.

Это так срезанные ножки белых грибов в земле торчат.

Вот так ходит мадам Петухова вдоль своей канавы и белые грибы собирает.

И Баук тоже ходит вдоль своей канавы и тоже белые грибы собирает.

Он их ножиком срезает и в корзинку кладёт.

Поэтому вдоль Бауковой канавы тоже странное существо танцевало и песенку напевало.

Может быть, даже это одно существо танцевало и пело – то вдоль Петуховой канавы, то вдоль Бауковой канавы.

Потому что следы похожие оставило.

Вот так ходит мадам Петухова вдоль Петуховой канавы и белые грибы собирает.

И Баук тоже ходит, но перпендикулярно, потому что так канавы расположены.

Поэтому они и не встречаются никогда: мадам Петухова вдоль своей канавы ходит, а Баук вдоль своей канавы ходит.

А интересно, что в деревне Бауковый дом рядом с Петуховым домом стоит, значит мадам Петухова и Баук соседями оказываются.

Только Баук в своём доме круглый год живёт, а мадам Петухова только летом приезжает – как на дачу.

А в лесу мадам Петухова и Баук перпендикулярно ходят, потому что каждый вдоль своей канавы белые грибы собирает.

Как увидит белый гриб, ножиком его срезает и в корзинку кладёт.

А Баука потому Бауком называют, что он с детства как паук руками размахивает.

Пауком человека нехорошо называть, поэтому его Бауком называют.

А мадам Петухову мы так называем, потому что у неё фамилия Петухова, а сама она из Москвы и в деревню приезжает со своим семейством: и с мужем, и с дочками.

Вот так ходит мадам Петухова вдоль своей канавы, белые грибы собирает и думает.

Она потом придёт домой, грибы замаринует и в стеклянную банку закатает.

И Баук тоже ходит и думает.

А потом принесёт грибы домой и его Валечка, которая жена Баукова, положит грибы в деревянную бочку – солиться.

Баук нальёт в стакашек водки, подцепит на вилку солёный белый гриб, а потом стакашек опрокинет и грибом закусит.

И мадам Петухова тоже может налить в рюмку водочки, на вилку маринованный белый гриб нацепить, а потом рюмку выпить и грибом закусить.

Только у мадам Петуховой так смачно, как у Баука, не получается.

Потому что Баук очень просто стакашек опрокидывает, гриб схрумкивает и идёт себе по деревне.

А мадам Петухова любит, чтобы была белая скатерть, и ещё подходящее освещение, и ещё соответствующая музыка, и ещё приятная компания, и ещё нужное настроение.

Тогда она рюмочкой чокнется, водку выпьет и грибом закусит.

А у Баука такой церемонии не получается, потому что Баук выпить любит и не может ждать, пока всё это вместе соединится: и скатерть, и освещение, и музыка, и компания.

А настроение у него всегда есть.

Он стакашек опрокидывает, гриб схрумкивает и идёт себе по деревне.

А у мадам Петуховой так смачно не получается.

А у Баука так церемонно не получается.

И вот идёт мадам Петухова вдоль своей канавы и белые грибы собирает.

Она как увидит гриб, ножиком его срезает и в корзинку кладёт.

И дальше идёт.

И Баук тоже идёт вдоль своей канавы и тоже белые грибы собирает.

Как увидит гриб, ножиком его срезает и в корзинку кладёт.

И дальше идёт.

Вот так они идут и белые грибы собирают – которые видят.

А которые не видят – те уже мы идём и собираем.

Как увидим гриб, ножиком его срезаем и в корзинку кладём.

И дальше идём.

А потом уже другие люди идут и тоже белые грибы собирают.

А грибы всё растут и растут.

На другой день мадам Петухова опять идёт вдоль своей канавы и белые грибы собирает.

Она как увидит гриб, ножиком его срезает и в корзинку кладёт.

И Баук опять идёт, но перпендикулярно.

Он как увидит гриб, ножиком его срезает и в корзинку кладёт.

А уже потом мы идём, а потом другие люди идут.

А ещё есть ровная просека, покрытая светлым мхом, которая "Бродвей" называется, потому что по ней все обязательно проходят и белые грибы собирают.

Как увидят белый гриб, ножиком его срезают и в корзинку кладут.

Поэтому земля там утрамбованной стала – как дорога.

А грибы всё растут и растут.

И мадам Петухова заглядывает, от своей канавы отлучаясь.

И Баук проходит, со своей канавы домой возвращаясь.

Мы тоже любим гулять по "Бродвею" и белые грибы собирать.

Грибы всё растут и растут, только большими вырасти уже не успевают, потому что все их *ножиками срезают и в корзинки кладут.*

Поэтому на "Бродвее" грибы маленькие, кругленькие как лосиные катышки по светлomu мху раскиданы.

Зато рядом с Петуховой канавой, ежели у самых сосен, да под хвоей и ветками, большие могут вырасти, а то и целое семейство по пять, семь, а то и двенадцать грибов из одного корня.

И у Бауковой канавы, если чуть в сторонке, найти можно белый гриб на полкорзинки.

Вот так ходит мадам Петухова вдоль своей канавы и белые грибы собирает.

Она как увидит гриб, ножиком его срезает и в корзинку кладёт.

И дальше идёт.

И Баук тоже ходит вдоль своей канавы и белые грибы собирает.

Как увидит гриб, ножиком его срезает и в корзинку кладёт.

И дальше идёт, но перпендикулярно.

И мы тоже идём и белые грибы собираем.

А солнечные лучи пролетают вдоль сосновых рядов и на землю ложатся: и на белый мох, и на зелёный мох, и на красный мох.

А грибы всё растут и растут.

Если кто увидит белый гриб, он его ножиком срезает и в корзинку кладёт.

УМРУ МОЛОДЫМ

26 ноября 2010-го года, пятница

На завалинке сидели два старика и пели песню:

– Умру молодым!.. Эх, умру молодым!..

Тот, что слева, всё время поглаживал свою кочковатую бороду, которая совсем не хотела приглаживаться, а хотела топорщиться во все стороны.

Но видно было, что хозяину бороды это не так важно: а просто приятно сидеть, поглаживать бороду и петь песню:

– Умру молодым!.. Эх, умру молодым!..

У правого старика бороды не было, лицо было востреньким и вроде не стариковским, а всё равно стариковским – подсушенным сильно.

И голос у него был тоже засушенный, так что даже крошился, и старик будто разбрасывал вокруг себя крошки, когда пел:

– Умру молодым!.. Эх, умру молодым!..

Слова куплетов старики пели как-то невнимательно, пробурчивали что-то себе под нос, путали, повторялись, несли отсебятину.

Зато припев, как видно, им нравился, и они вовсю напрягали голоса:

– Умру молодым!.. Эх, умру молодым!..

Песня эта сильно огорчала стайку молодёжи, неловко приткнувшейся у калитки.

Ведь это была песня нового времени, молодёжная, там все слова важные.

А старики в эти слова не вдумывались, да если бы и вдумались – чего б они поняли?

И уже никак старики не могли умереть молодыми, пропустили они это время, прожили.

Чего ж поют:

– *Умру молодым!.. Эх, умру молодым!..*

Особенно огорчился самый молодой, который считался солистом.

Ведь это он должен был выступать неожиданно и своим высоким звонким голосом, перекрывая хор, взлетая поверх других голосов, прокрикивать-пропевать дрожащее:

– *Умру молодым!.. Эх, умру молодым!..*

А старики пели не дрожаще, а жизнерадостно, даже весело.

Назревал конфликт поколений.

Но тут солнце погасло по-летнему быстро, сверкнув напоследок красным глазом, и опустилась ночь, и в ночной темноте уже не видны были ни завалинка, ни поющие старики, ни калитка, ни огорчённая молодёжь.

Еще немного поплавали над землёй белые кочки бороды левого старика, да дрожащие от обиды бледные губы самого молодого.

Но потом и они погасли, когда на небо вышли первые две звезды.

Так и не разрешённая, проблема «отцов и детей» растворилась в ночи, только ещё какое-то время будто крошки-искры от погашенного костра уплывало в небесную тьму неуместно-жизнеутверждающее:

– *Умру молодым!.. Эх, умру молодым!..*

10 ноября 2002-го года, суббота

Долговязый китаец смотрел как падает снег
С ветки, на которой сидела ворона.

Он потом нарисует на белой бумаге белой тушью снег
И напишет в углу, что ворона уже улетела.

Так и я нарисую на белой бумаге свою жизнь
И белой тушью напишу в углу.

Я сниму костяные застёжки
с коробки, обшитою белой парчой,
И достану белую кисть.
И в углу напишу.

Я три дня буду пить только чай
И смотреть только птиц, что летят в далеком небе.
И в углу напишу.

Белой кистью белой тушью на белой бумаге
В углу напишу.

В правом верхнем углу.

Отступив на дюйм.

12 ноября 2002-го года, понедельник

В Рукуновом переулке
Во дворе седого дома
Старый тополь бросил тень.

В той тени сидел китаец
Опечаленный донельзя
От того, что слишком выпил
Нехорошего вина.

Он потом домой вернется,
Нарисует горы-воды,
И в беседке над обрывом
Будет долго созерцать.

И тогда напишет гатху
На углу своей картины

Про вино и тень, и тополь
Во дворе седого дома
В Рукуновом переулке,

Где обрел он просветленье
Неожиданно совсем.

20 октября 2014-го года, понедельник

Гора, что старше мира.
На её склоне
девушка кормит грудью
спящего старика.

Гора, что старше мира.
На её склоне
сорокалетние мальчики пишут:
«Здесь был Вася и плакал».

Гора, что старше мира.
На её склоне
столетний старик
не хочет умирать.

Гора, что старше мира.
На её склоне
двое влюблённых
и зовущая пропасть.

Гора, что старше мира.
На её склоне
муж и жена на дне
воронки одиночества.

Гора, что старше мира.
На её склоне
он ждёт.
Она не приходит.

Гора, что старше мира.
На её склоне
Она ждёт.
Он не приходит.

Гора, что старше мира.
На её склоне
растёт дерево.
Естественно, одинокое.

Гора, что старше мира.
На её склоне
Торговка яблоками
красная как помидор

Гора, что старше мира.
На её склоне
Старуха продаёт носки
ручные шерстяные

Гора, что старше мира.

И так далее до бесконечности,
как бесконечен мир,
старше которого
только гора.

18 июня 2011-го года, суббота

Почему нам кажется,
Что дубы о чём-то думают,
Берёзы о чём-то плачут,
Осины чего-то боятся,
И сосны куда-то летят.

Тогда как, на самом деле,
Всё это делаем мы –
Высокие дикие травы.

11 марта 2010-го года, четверг

Ну что говорить, перебирая осколки
 Ты и так всё знаешь-помнишь
 С высокого берега можно было
 взлететь под облако
 или прыгнуть в горячий песок и холодную воду
 Годы –
 всего лишь хвоинки
 под лапами душно-тяжёлых елей
 было легко-свободно
 Не угодно ли взлететь к звёздам
 Со стартовых установок сосен
 Просим
 посетить иные миры бесконечно-вечные
 Пиры беспечные трав и цветов
 в лугах мгновенно-синих
 печально-счастливых
 Сливы
 в глубокой тарелке
 сладкие как твои губы целующие
 Грущу о них
 в центрифуге лет,
 в батискафе жизни,
 в адронном коллайдере судьбы
 Кабы
 мы
 были грибы
 мы бы
 не расставались связанные грибницей
 На границе
 жизни и смерти сидит Бог и стругает палку
 Жалко
 мы не увидим
 что же он там выстругает
 в конце-то концов!

31 октября 2007-го года, среда

Отчего белеют травы?
Отчего вода темнеет?
И куда бегут так быстро
Крошечные человечки,
Что несут над головами
Листья клёна, листья дуба?

Лишь когда утихнет ветер,
Успокоятся как будто...
Только вздрогнет лист кленовый,
Покачнётся лист дубовый,
И ещё чернее станет
Почерневшая вода.

Отчего белеют травы?
Отчего звенят подошвы?
Где нашёл колючки ветер?
– Не рассказывай мне сказки...
Это просто скоро осень
Познакомится с зимою. –

Ну, конечно, дорогая,
Ты права: всего лишь осень.
Ты устала, дорогая,
Я возьму твой лист кленовый.
Нам осталось жить недолго,
Донесу уж как-нибудь...

14 ноября 2014-го года, пятница

И что-то есть в подобной тишине,
в изгибе берега и паутине веток,
что уплывает и никак не уплывёт
в какую-то немую бесконечность.

Всё кажется, что я на полустанке,
а время – это поезд пассажирский:
вот тронется, колёса застучат,
и замелькают, замелькают полустанки.

Ты говоришь, что нужно меньше пить,
да и курить – гаси-ка сигарету.
Я отвечаю: нужно больше жить,
хотя ты и не слушаешь ответа.

Как хочется какого-нибудь лета!
Счастливого и глупого вполне.
Шуршит дубовый лист,
звучит мелодия шагов,
и мёрзнет одинокая скамейка.

8 июня 2011-го года, среда

Летний день был солнечным, но не жарким.

Я прогуливался по тропинкам парка.

Мальчик птичек кормил витаминным драже.

В кустах загорала бабушка в неглиже.

Листьям дубовым вежливый ветер нашёптывал:

– Вы, вы, вы...

Я шёл налегке, даже как будто без головы,

Которую дома оставил между мышкой и клавиатурой.

Навстречу мне двигались две головастые круглые дуры.

Они закричали: – Ах, без головы – это так непристойно!

Хотел им ответить спокойно, красиво, достойно,

Но я не ответил и не повернул головы,

И шляпу не снял, и ваще – я был без головы.